

Впервые увидел Анатолия Захаровича Давыдова, когда учился в 9 классе и нас, школьников, привели на выставку в ДК им. Ленсовета. Тогда я еще не знал, кто такой Давыдов и что нам еще предстоит много лет общаться. Запомнилось, что он что-то рассказывал, но деталей не помню, запомнился сам Анатолий Захарович. Хорошо осталась в памяти только литография с портретом Анны Ахматовой (верхняя часть литографии была овальной). Как оказалось потом, эта работа стала одной из моих самых любимых. Когда я рассказывал Анатолию Захаровичу о том, как я его впервые увидел в ДК им. Ленсовета, он, конечно, честно говорил, что запомнить меня в толпе школьников никак не мог.

Путь к знакомству с Давыдовым был долгий. Я не предполагал, что стану его учеником, но благодаря окружающим меня людям, мы встретились.

На втором этаже в нашей парадной жил художник Бренерт Владимир Людвигович. Мы познакомились через мою маму, которая общалась с его женой. Я тогда учился в 10 классе. Владимир Людвигович в момент нашего знакомства из-за преклонного возраста уже перестал работать в студии повышения квалификации при художественном фонде на Большом проспекте Васильевского острова, но продолжал встречаться со своим другом художником Гусько Владимиром Николаевичем. Именно благодаря Гусько я встретился с Давыдовым. По просьбе Бренерта Владимир Николаевич привел меня в студию повышения квалификации при художественном фонде, где по субботам преподавал Анатолий Захарович Давыдов. В тот момент знакомство было формальным, т. к. я был самый младший в мастерской, никого кроме Гусько не знал, и естественно Анатолий Захарович кроме замечаний о моих работах ничего мне не говорил, а общался со своими товарищами-художниками.

Настоящее знакомство состоялось позднее. После окончания школы я отучился на первом курсе ВТУЗа и благополучно отправился на два года в Советскую Армию. Снова пришел в студию повышения квалификации на Васильевском острове. Мне было тогда 20 лет, и я решил восполнить пробелы в художественном образовании. Снова мне помог Гусько, который уговорил Давыдова заниматься со мной индивидуально. Анатолий Захарович не горел желанием иметь обузу, но после просьб Гусько дрогнул и разрешил мне с работами прийти к нему в мастерскую на Песочной 16. Так я первый раз в жизни попал в мастерскую №36 в Доме художника. Моя работа, сделанная пером, понравилась Анатолию Захаровичу, и он разрешил мне остаться. Этот натюрморт у меня до сих пор хранится дома. Так осенью 1988 года мы познакомились, и знакомство наше без перерывов продолжалось до самой смерти Давыдова.

Интерьер мастерской, также как и квартиры, подчеркивали, что это помещения не простого обывателя, а художника. В мастерской весели плакаты выставок, стоял старинный красивый диван, большой комод. Диван был короткий, предназначенный для того, чтобы на нем сидеть, а не лежать. Но А. З. его любил, и не променял бы на новый и комфортный. (Давыдов сам часто называл себя «А. З.», так как он часто так подписывал свои записки, и соответственно также к нему иногда письменно обращались). В основном вся мебель была старая и антикварная. Над диваном было зеркало в старинной раме и копия портрета в классическом стиле. На комодѣ располагался аквариум, статуэтка художника Рудакова. Позже появились посмертные маски знаменитых деятелей. Всегда были букеты сухих цветов. Многочисленные живые цветы в основном располагались на окне в коридоре перед входом в мастерскую. Все предметы подчеркивали, что это место художника, который любит красивые вещи. Интерьер квартиры также демонстрировал, кем является ее хозяин. А. З. гордился мебелью из красного дерева и неоднократно рассказывал, как пришлось искать, покупать и восстанавливать каждый предмет. Из его рассказов я понял, что услуги краснодеревщика обошлись не дешевле, чем закупка старинных, но сильно поврежденных предметов интерьера. Тем не менее, никаких сожалений о потраченных средствах и времени не было. Результат получился достойный. Мебель можно было спокойно демонстрировать в музее. Все стены квартиры полностью

занимали картины. Часть произведений была выполнена самим А. З., остальное – другими художниками. Но все вместе смотрелось очень гармонично и красиво. Я бы сформулировал, это так, что минимальными материальными средствами и, сильно приложив свои руки, А. З. создал для себя уютную и изящную среду обитания. Все это было результатом размышлений, о том как сделать обстановку не стандартной, и немалого труда, чтобы воплотить эти идеи в жизнь. Даже входную дверь в квартиру умудрился декорировать попавшимися под руку пластмассовыми узорами и покрасить так, что создавалось впечатление полностью деревянной двери. Сделать что-либо из совершенно неожиданных материалов, которые могли попасть ему под руку, было очень характерно для Анатолия Захаровича. Всеми своими действиями, окружающей его средой А. З. подчеркивал, что он – художник и творческая личность. О том, что если ты художник, то интерьер должен быть соответствующий, мне говорилось неоднократно.

Фактически люди у него делились на две группы – художников и не художников. И конечно жизнь художника считалась более важной, полезной, чем остальных, кто не мог оставить после себя ни одного художественного произведения. Поэтому, если в мастерской были гости не художники, но имевшие научные степени, высокие должности и звания, на А. З. это не производило никакого впечатления. Критерий был практически один – что человек создал как художник. При этом произведения оценивались очень строго. Поэтому художников, которых признавал А. З. как равных себе или выше было очень мало. По прошествии лет, с подавляющим большинством оценок Давыдовым художественных произведений я стал согласен.

При описании интерьеров мастерской и квартиры, не было ничего сказано про книги. А это была немаловажная деталь. Книжных полок было много, на столько, сколько позволяло место. В основном А. З. любил читать историческую литературу. Особое внимание уделялось жизни А. С. Пушкина. Безусловно, было много книг с репродукциями художественных произведений. Подборка литературы также подчеркивала, что А. З. художник и творческая личность.

Фактически в последние двадцать, а может быть и больше лет, Давыдов отгородился от внешнего мира. Весь маршрут в течение многих лет был один – из квартиры в мастерскую и обратно. В девяностые годы многое изменилось, в основном в худшую сторону, художники потеряли стабильную основу, которая была во времена СССР. Менять в своей жизни А. З. ничего не хотел, оставался таким же художником, как был раньше, занимаясь только творчеством. Вопросы, связанные с внешним миром, которые неизбежно возникали, решались женой художника Давыдовой Людмилой Витальевной.

Характер Анатолия Захаровича был непростой. Дискуссии о том, как и, что делать быть не могло. Если что-то решалось, то выполнение поставленной задачи не обсуждалось. Идеи бывали разные. Больше всего запомнилась перестановка почти двухметрового молочая (вид кактуса) с одного подоконника на другой. Нюанс заключался в том, что один подоконник находился на седьмом этаже в квартире, а другой – на третьем этаже в мастерской, в другой парадной. Перестановку осуществляли вдвоем. Я нес колючий цветок, а Анатолий Захарович помогал мне добрым словом. Был еще продольный разрез шкафа, чтобы сделать из него книжные полки. К счастью на помощь пришел мой папа с циркулярной электропилой, иначе мне пришлось вручную пилить долго и упорно.

При обсуждении работ все высказывалась прямо и предельно ясно. Длинные, запутанные и малопонятные речи о художественных достоинствах или недостатках моих работ никогда не были характерны для Давыдова. Неудачная работа, как правило, характеризовалась одним словом, иногда добавлялась рекомендация, куда ее можно убрать. Кто знал Анатолия Захаровича, прекрасно понимает, что я имею в виду, поэтому дословно воспроизводить оценку неудачных работ я не буду. Удачные работы он хвалил, и видно был доволен, когда под его руководством что-то у меня получалось. Длинные теоретические разговоры о том, что надо сделать не были интересны Давыдову. Устно он

давал короткие указания, предпочитал показать, как надо делать на бумаге. Не боялся исправить работу, сам работал при мне. Т.е. Анатолий Захарович не был художником и педагогом теоретиком, а был практиком. Со временем приходит понимание, что он умел, на сколько сильны его работы. Безусловно, в первые годы знакомства из-за моего возраста и отсутствия опыта я не мог сразу все оценить, мне очень нравились работы Давыдова, но только спустя достаточно много лет пришло понимание масштаба его работ. Однажды я зашел на выставку в Союз художников и увидел портреты, выполненные А. З., в основном в технике литографии. Видел эти работы неоднократно в мастерской, на других выставках, но понимание их монументальности появилось только в тот момент. Цикл литографий был сделан до моего прихода в мастерскую Давыдова, к сожалению, мой период посещения печатной мастерской на Песочной 16 был коротким. Начинались девяностые годы, во время которых развалили практически все, в том числе и эту мастерскую. Я не видел, как А. З. делал литографию, но застал период, когда он издавал офорты, выполненные в технике сухой иглы. Доску делал быстро, практически за один или два подхода. Но этой быстроте предшествовал большой объем работы, проделанной в предыдущие годы. Количество ранее выполненных в разнообразных техниках графических листов, которые мне показывал А. З., меня впечатляло. Если сравнивать работы последних лет и более ранние произведения, то они стали более лаконичны и монументальны. Застал я и несколько выходов Анатолия Захаровича в студию рисунка на Песочной 16. Рисовал он быстро, в основном делал линейные рисунки. Натуру ставил так, чтобы поза была естественной. Рисунки получались живые и интересные. Иногда в мастерской Давыдов делал портреты людей, которые к нему приходили. Портреты делал также быстро, сразу улавливая характерные черты.

Я застал период работы Давыдова, когда он в основном занимался живописью. Он часто мне говорил, что стал понимать, что такое живопись только после пятидесяти. Конечно, это не означает, что предыдущие живописные работы лучше или хуже последних. Работы были разные. Наверное этим можно характеризовать живопись А. З. Почерк был легко узнаваем, но не было штампа. Каждому периоду соответствовала своя живопись. Он не боялся экспериментировать, в том числе делал работы при мне.

Основное время уходило на раздумья о картине. Анатолий Захарович долго лежа готовился к работе, повторяя, что он лентяй, но потом вставал и за 2-3 сеанса делал законченную картину. Так за неделю могло появиться две-три живописных работы. Периоды творческой активности были разные, иногда были паузы, но всегда было движение вперед. Показательны выставки, посвященные 80 и 85-летию Давыдова. На второй выставке основная масса живописных работ была новой. Хотя вполне можно было заполнить зал работами с предыдущей выставки, и никто бы ничего не сказал. В укреплении своего авторитета среди художников А. З. не нуждался уже давно, почетное место уже им занято, и кроме личного желания сделать что-то новое, никаких движущих сил не было.

Особое внимание уделялось освещению. Холст, на котором работал Давыдов, должен был быть всегда одинаково освещен. При показе картин, также старался сделать такое же освещение, какое было при создании произведения, строго следил, чтобы угол наклона рамы не давал блеска краски.

Под каждую живописную картину А. З. делал свою раму. Этому уделялось большое внимание. Рама собственноручно красилась Давыдовым в определенный цвет, в случае, если ее размер не совпадал с размером холста, то брал в руки пилу. Любил необычные рамы. Мог взять раму, которая где-то валялась, покрасить, доработать, и из хлама получалась очень красивая декоративная вещь. Фактически обрамление становилось продолжением картины.

Также неожиданно мог быть использован разный материал, как основа для живописи. Старая доска стала основанием, для иконы. На оргалите с помощью офортного станка была сделана монотипия и доработана кистью. Была работа, выполненная на

обыкновенном стекле. Использовалась старая фанера. Красивый натюрморт был сделан чистыми типографскими красками. Конечно, для долговечности работ, не все эксперименты были полезны, но характер Анатолия Захаровича требовал немедленного воплощения его идей. С моей точки зрения, именно упорный и не терпящий возражений характер был основной движущей силой в его творчестве.

Понимание живописи Давыдова также приходило постепенно. Больше всего запомнилось впечатление от одной из последних работ, которая была выставлена в Манеже на выставке, посвященной 75-летию Союза Художников Санкт - Петербурга. Картина была написана уже не в мастерской, а в квартире, где было еще меньше места. Я уже видел ее в комнате, но в большом зале, при хорошем освещении краски смотрелись совсем по-другому. Было удивительно, как А. З. подобрал цвета, когда был плохой свет, и невозможно посмотреть на нее издалека. По-моему, это было очередным доказательством того, что Давыдов действительно не мог объяснить, почему он так сделал и не может снова повторить. Об этом он мне говорил неоднократно.

Давыдов проявил свой характер и в литературе. Когда он решал, что настало время писать, то прекращал остальные занятия, садился за старую пишущую машинку. В своих рассказах был остроумен, некоторым персонажам от него доставалось. Высказать что-либо нелицеприятное А. З. мог и в жизни, и в книге. Не всем это нравилось, но свое мнение он всегда высказывал весьма прямолинейно.

Практически всегда он делал только одно дело и на нем полностью сосредотачивался. Параллельное выполнение несколько дел было для А. З. не характерно. Сосредотачивался на чем-то одном, но обязательно доводил любое начинание до конца. Это распространялось и на творческую деятельность и на бытовые дела.

В быту также мог провести необычный эксперимент. Запомнилась жарка мяса на сковороде без масла, когда Анатолий Захарович прижимал кусок крышкой, а затем его быстро переворачивал. Этот эксперимент оказался удачным, мясо получилось съедобным и не сгорело.

Давыдов был хорошим рассказчиком. Я неоднократно слушал его истории про художников, про его жизнь, про войну. Язык был живой и интересный. Когда приходили гости, он легко удерживал их внимание на протяжении всей встречи. Таким же простым языком написаны его книги. А. З. не пытался поразить собеседника длинными запутанными фразами, а всегда излагал свои мысли ясно и интересно.

Окружающим, когда к нему обращались за помощью, всегда старался помочь. В частности объяснял мне к кому и как обратиться, звонил, писал рекомендательные записки, приглашал к себе в гости, чтобы познакомить со мной. При мне Анатолий Захарович уже не занимал высоких административных должностей в Союзе Художников. Я застал краткий период, когда он был председателем художественного совета, который заседал в Доме художника на Песочной 16 и решал, чей офорт будет издан на графическом комбинате. Давыдов не старался кого-нибудь специально завалить, а наоборот, если не было совсем явных недостатков, пытался убедить членов совета принять работу. Безусловно, тому, что впервые прошел худсовет и издал свой офорт, я обязан А. З. Впрочем, как и мое вступление в Союз Художников проходило не без участия Давыдова.

Я успел пообщаться с Анатолием Захаровичем более 20 лет, но все равно времени не хватило. И сейчас есть вопросы, которые хотелось бы с ним обсудить, посоветоваться по поводу очередной своей картины или личному вопросу. Для меня Давыдов был и остается учителем, который помог мне войти в мир искусства и сформироваться как личности.